

Организованная преступность в России в 1990-е годы: от «красной мафии» к господству «авторитетов»

Часть 2

В.В. Кривошеев

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Российская Федерация*
✉ vkrivosheev@kantiana.ru

Аннотация. Цель данной статьи заключается в том, чтобы продолжить анализ криминального перерождения российского общества в 1990-е годы. В этой части исследования имеется в виду наиболее полно раскрыть действия и результаты преступных действий в социально-экономической подсистеме социума, показать наиболее характерные приёмы активности криминалитета, который внедрился в самые доходные отрасли народного хозяйства, одновременно при этом не пренебрегая и открытым вымогательством, направленным на зарождающийся мелкий и средний бизнес. Кроме этого, детально остановиться на региональной специфике организованной преступности в этот период, показать криминальную активность, присущую преступным элементам в различных субъектах Российской Федерации. Это в немалой степени связано и с этнической составляющей преступных сообществ, своеобразно специализирующихся на разных сферах незаконного и противозаконного предпринимательства, а порой используя и географическое положение той или иной республики, края, области. Предполагается, что значительное внимание будет обращено на криминальное поражение духовно-идеологической сферы российского общества. Процессы, происходящие здесь, как будто являлись едва ли не зеркальным отражением того, что было свойственно советскому времени. Исчезновение каких-либо регламентов, ограничений позволили преступным и околопреступным элементам использовать литературу и искусство для тиражирования и пропаганды низменных качеств человека, вседозволенности, едва ли не одобрения преступных проявлений. В заключении делается общий вывод, касающийся криминальной ситуации в России в 1990-е годы, тех трудностей, которые стояли перед властью, всё же отодвинувшей российское общество от опасной черты.

Ключевые слова: организованная преступность, экономическая сфера общества, регионализация преступности, духовная сфера социума

Для цитирования: Кривошеев В.В. Организованная преступность в России в 1990-е годы: от «красной мафии» к господству «авторитетов». Часть 2 // Социальная компетентность. 2025. Т. 10, № 1. С. 23–40.

Organized crime in Russia in the 1990s: from the “red mafia” to the dominance of “authorities”

Part 2

V.V. Krivosheev

*I. Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation*
✉ vkrivosheev@kantiana.ru

Abstract. The purpose of this article is to continue the analysis of the criminal rebirth of Russian society in the 1990s. In this part of the study, it is meant to most fully reveal the actions and results of criminal actions in the

socio-economic subsystem of society, to show the most characteristic methods of activity of criminals who have infiltrated the most profitable sectors of the national economy, while not neglecting open extortion aimed at nascent small and medium-sized businesses. In addition, it is meant to dwell in detail on the regional specifics of organized crime during this period, to show the criminal activity inherent in criminal elements in various constituent entities of the Russian Federation. This is largely due to the ethnic component of criminal communities, peculiarly specializing in various areas of illegal and illegal entrepreneurship, and sometimes using the geographical position of a particular republic, region, oblast. It is assumed that significant attention will be paid to the criminal defeat of the spiritual and ideological sphere of Russian society. The processes taking place here seemed to be almost a mirror image of what was characteristic of the Soviet era. The disappearance of any regulations, restrictions allowed criminal and near-criminal elements to use literature and art to replicate and promote the baser qualities of a person, permissiveness, almost approval of criminal manifestations. The conclusion draws a general conclusion regarding the criminal situation in Russia in the 1990s, the difficulties that faced the authorities, which nevertheless moved Russian society away from a dangerous line.

Keywords: organized crime, the economic sphere of society, regionalization of crime, spiritual sphere of society
For citation: Krivosheev V.V. Organized crime in Russia in the 1990s: from the “red mafia” to the domination of “authorities. Part 2. *Social Competence*, 2025, vol. 10, no. 1, pp. 23–40. (In Russ.).

Введение

Продолжая анализ ситуации криминализации российского социума в 1990-х годах, сосредоточимся на положении в социально-экономической подсистеме общества, а также в его духовной сфере. Понятно, что такое, скажем, несколько обособленное рассмотрение в действительности возможно только на аналитическом уровне, поскольку в реальности все элементы общества не просто связаны друг с другом, а теснейшим образом взаимодействуют, оказывают мощнейшее влияние на, казалось бы, весьма разнородные составляющие. И по прошествии уже немалого времени с тех самых «лихих девяностых» всё происходящее тогда по-прежнему привлекает внимание исследователей. В частности, специалисты в области юриспруденции, экономической теории, социологии стремятся выявить причины и факторы нарастания криминальной активности [1; 2]. При этом показывается и то обстоятельство, что преступность в этой подсистеме общества представляла, да и представляет реальную угрозу безопасности для страны [3; 4]. Особо выделяют аналитики теневилизацию экономической сферы социума [5; 6], преступность в финансовой составляющей экономической жизни [7; 8]. Учёные используют самые разные приёмы для раскрытия существа преступности в народном хозяйстве [9; 10; 11; 12]. Активно анализируются и региональные особенности криминальной активности в экономической сфере [13; 14; 15; 16]. Изучаются и отдельные аспекты криминальной деформации духовной составляющей общественной жизни России [17; 18].

Цель исследования

Цель данной статьи состоит в раскрытии основных слагаемых организованной преступности в России в 1990-е годы, которые характеризуют экономическую сферу общества, в показе региональных особенностей организованных форм антиправовых действий, а также в рассмотрении криминального поражения духовной составляющей социума в указанный период.

Методология и методы исследования

При рассмотрении криминализации экономической и духовной сфер российского общества в 1990-е годы имеется в виду, как и в первой части статьи, применить методологию институционализма. И во второй части статьи автор использует статистические данные, вторичный анализ многочисленной информации, которая содержится в трудах специалистов в социальных науках, а также представлена на сайтах социологических центров.

Освоение организованной преступностью экономической сферы российского общества

Действия организованной преступности применительно к экономической подсистеме российского общества были многообразными и приносили успех, т.е. высокую криминальную прибыль, и в силу крайне непродуманных действий власти – на всех её уровнях. А может, и напротив, вполне даже продуманных действий власть предержащих, что называется, в свою пользу. В первой части статьи это отчасти уже было показано. Теперь предстоит более детально рассмотреть то, что происходило в 1990-е годы в народном хозяйстве России.

Во-первых, следует, на наш взгляд, особо отметить, что политика российского государства, которое организовало процесс разгосударствления, в частности в форме приватизации, была такой, что происходила постоянная генерация, массовое воспроизводство преступного и допреступного социальных миров. Криминалитет, который к началу 1990-х годов уже обладал большим движимым и недвижимым имуществом, получил теперь возможность перераспределения в свою пользу и государственной собственности. Нельзя забывать, что даже в рамках действовавшего в то время законодательства, о чём мы уже говорили [19, с. 102–103], можно было создавать подконтрольные представителям преступного мира новые хозяйствующие субъекты, да ещё и зачастую за счёт бюджетного финансирования. Собственность, созданная поколениями советских людей, причём, как говорится, самые лакомые её куски, т.е. дающие наибольшую прибыль, часто в иностранной валюте, всё в большей мере переходила в руки криминального мира.

Курс руководства страны в 1990-е годы на форсированное создание рыночной экономики означал не более чем передачу в собственность новым частным владельцам предприятий промышленности (в значительной мере добывающей, т.е. нефтегазовой в первую очередь). При этом все пропагандистские усилия сосредоточивались на показе якобы изначальной ущербности государственного регулирования процессов, происходящих в народном хозяйстве, неэффективности социалистической модели управления экономикой.

Учитывая, что в конце 1980-х годов 97% населения обладало всего 3% накоплений, так называемые свободные деньги были сосредоточены в исключительно узком слое криминальных дельцов и коррумпированных чиновников. А за год, прошедший после 1992 года, т.е. после либерализации цен, накопления трудящихся практически были обесценены полностью. Именно поэтому 55% капитала и 80% голосующих акций в ходе приватизации перешли в руки криминального и иностранного капитала [20, с. 70].

Условия, в которых проводилась приватизация (а это и безымянные приватизационные чеки, так называемые ваучеры, а также возможность их массовой скупки), превратили этот процесс, а также и акционирование собственности в достаточно быстрый её захват теми, кто реально обладал денежными ресурсами. Понятно, что не последнюю роль в этом играл преступный мир. Неслучайно, что только в 1993 г. из зарегистрированных 110,4 тыс. преступлений в сфере экономики 25% были связаны с приватизацией [21, с. 41–42].

Криминалитет быстро освоился в новой ситуации, действовал всё более открыто, не просто способствовал массовому расхищению богатств страны, а, что называется, возглавил грабёж народного достояния. Так, уже в 1992 году незаконно было экспортировано 39% металла, 20% энергоносителей, 11% другой продукции, произведённой на тогда ещё не акционированных предприятиях [21, с. 149]. В целом трудно не согласиться с оценкой западных специалистов, что приватизация в России прошла «быстро и грязно» [22].

Ещё одним проявлением освоения криминалитетом экономической сферы российского общества стало в 1990-е годы своеобразное исчезновение границ между «теневого» и обычной, т.е. светлой, экономикой. Это получилось в результате того, что представители криминалитета стали легко встраиваться в основные отрасли народного хозяйства, участвовать во

внешнеэкономической деятельности. В свою очередь, владельцы и управленцы предприятий стали всё более явно нарушать нормы закона. К этому в какой-то мере их вынуждала и общая обстановка вседозволенности, и непродуманное налоговое законодательство. Таким образом и происходило своеобразное сращивание криминалитета с теми, кто ещё недавно, казалось бы, и помыслить не мог об общении с такими индивидами.

Сотрудник МВД России, к примеру, основываясь на уголовной статистике, утверждал, что почти половина из 3 тыс. действовавших в 1990-е годы преступных группировок образовала легальные хозяйственные структуры. В целом же криминальные сообщества, используя самые разные способы воздействия, включая, естественно, угрозы физической расправы, психологического давления, контролировали тогда деятельность более 40 тыс. субъектов хозяйствования, в числе которых было более 400 банков [23, с. 3]. Как это не удивительно покажется, но власть зачастую не только попустительствовала этому, она чуть ли не открыто способствовала такой ситуации. В «тень» уходила всё большая часть экономически активного населения страны, что, соответственно, фиксировалось долей валового внутреннего продукта (ВВП), производимой предприятиями, не попадавшими в официальные статистические сводки и данные о поступлении налогов в государственную казну. Например, как показывают сведения МВД, в 1990–1991 гг. в теневой экономике производилось 10–11% ВВП, в 1993 г. – 27%, в 1994 г. – 39%, в 1995 г. – 45%, в 1996 г. – 46%. С теневой экономикой оказалось связанными 58–60 млн человек [24, с. 59].

Нельзя не остановиться на таком важном сегменте деятельности криминалитета в указанный период, как финансово-кредитная сфера экономической жизни.

Речь прежде всего идёт о том, что изъятие из Уголовного кодекса статей, которые предусматривали ответственность за некоторые виды валютных операций, означало, что государство утратило реальные механизмы воздействия на одну из важнейших сфер экономической жизни. И вот что оказалось в результате. По данным экономиста Н.П. Шмелёва, за 1990-е годы из России эмигрировало, по его выражению, не менее 300–400 млрд долларов, что в полтора-два раза превышало задолженность России внешнему миру [25, с. 11]. Как ни странным это покажется, но даже дефолт, который был объявлен российским правительством 17 августа 1998 года, не остановил этот негативный процесс.

Сказанное свидетельствует, что верхушка российского бизнеса в 1990-е годы перестала связывать и своё будущее, и будущее своих детей с Россией. П. Вощанов, например, ссылаясь на одно исследование, проведённое Федеральной службой безопасности, отметил, что не менее 65 российских предпринимателей, которые входили в первую сотню бизнесменов по уровню своих состояний, обустроили свои семьи (жены, дети, внуки) за границей [26].

Говоря о криминализации социально-экономической сферы общества, нельзя не остановиться на таком её элементе, как финансовая и кредитная составляющие. Происходящее здесь наиболее зримо демонстрирует всю глубину погружения социума в преступное состояние. Так, по данным экспертов МВД России, только в 1992 году не менее трети всех долларов, которые были реализованы через Московскую межбанковскую валютную биржу, приобретены по подложным финансовым документам [21, с. 149].

В указанный период в буквальном смысле огромный размах приобрели так называемые «финансовые пирамиды», т.е. криминальные структуры, которые были созданы для отъёма денег у населения. Избыточная доверчивость людей, элементарная экономическая неграмотность, сочетающиеся с желанием быстрого и лёгкого обогащения, позволили действовать всем этим компаниям, не имеющим к тому же даже лицензий. В.В. Лунеев, ссылаясь на официальные данные, показывает, что в 1990-е годы действовало более 830 таких преступных организаций [27, с. 254]. Рост числа преступлений в финансовой сфере происходил обвальными темпами. Ежегодно в 1990-е годы количество таких антиправовых действий возрастало на 10–12% [28, с. 4].

Масштабны были и криминальные действия, связанные с добычей природных ископаемых. Американская корпорация «Голден АДА» обещает нашей стране содействие в открытии в «Bank of America» кредитной линии на 500 млн долларов США, и в качестве обеспечения этой сделки необходимо выделить из Госфонда России некоторую залоговую сумму с условием её возвращения по завершении сделки. Минфин дал разрешение. Бриллианты, ювелирные изделия, золотые монеты, бытовое серебро и золото, антиквариат – всего на сумму более 94 млн долларов – были отправлены в Америку. Но результатом сделки стало беспрецедентное мошенничество, когда поступившие валютные ресурсы – полмиллиарда долларов – попросту были расхищены [29, с. 20]. Можно привести и другие примеры. Аналитики установили, что только в 1999 году общая сумма ущерба от нарушений законодательства при лесозаготовках и товарных операциях с лесом составила 158,5 млн долларов. Объёмы экспорта российской древесины в Китайскую Народную Республику в 2000 году в сравнении с предыдущим годом выросли в 30 раз. Этими операциями занимались не менее 6 тыс. фирм [30].

Дело, разумеется, не в этих фактах, не в определённой выстроенности примеров. Мы стремились лишь показать болезненную тенденцию всё более тотальной криминализации социально-экономической сферы российского общества, что означает беспрецедентный рост преступности в ней, а также создание огромного допреступного социального мира.

Завершая разговор о действиях организованного криминалитета в экономической сфере российского общества, мы не можем не обратить внимание на то обстоятельство, что главным экономическим преступником, самым криминализированным экономическим социальным институтом было в 1990-е годы само государство. Именно оно, его органы установили тогда такие налоговые и иные правила экономического поведения, которые фактически уничтожали саму возможность действовать в рамках права.

Экономические манёвры российского правительства не позволяли провести реальные реформы в народном хозяйстве, отторгали от производственного сектора внутренних и внешних инвесторов, уничтожали перспективы создания конкурентной среды для производителей, тем самым породили и продолжают порождать псевдорыночную криминализированную практически до предела экономику.

Специфика региональной криминализации

Прежде всего надо обратить внимание на то обстоятельство, что после распада СССР бывшие автономные республики в составе Российской Федерации не только стремились занять всё более независимое политическое положение в стране, но, что, естественно, связано с этим обстоятельством, получить и своеобразный экономический суверенитет. В 1994 году, например, средний уровень перечислений в федеральный бюджет от налоговых поступлений с территории субъектов составлял 40–50%. Татария в том же году перечислила 16%, Башкирия – 12%, а Якутия не перечислила вообще ничего. Аналогичная обстановка складывалась не только с налогами, но и другими платежами. Башкирия, например, в 1996 году должна была заплатить центру 50% акцизов на спиртоводочную продукцию и 100% акцизов на нефть и газ, но не перечислила ни одного рубля [31, с. 24].

Естественно, регионализация криминального поражения российского общества связана не только с указанными обстоятельствами. Криминалитет быстро освоил самые доходные сектора бизнеса в каждом регионе. Показать это можно на примере Калининградской области.

Учитывая специфику региона, где находится, в частности, уникальное месторождение янтаря, а его запасы, по некоторым оценкам, составляют до 96% от мировых, понятным становится, почему столь пристальное внимание преступники проявляли именно к этой сфере. На чёрном рынке 1 кг янтаря стоит до 2–3 тыс. долларов. В ежегодном исчислении потери от

незаконного вывоза янтаря составляли в середине 1990-х годов, по некоторым сведениям, до 80 млн долларов. В то же время за 1998 год, например, было задержано 242 человека, незаконно добывающих янтарь, но только четверо из них были привлечены к уголовной ответственности. Янтарному комбинату, единственному такого рода предприятию в России, было возвращено всего 233 кг янтаря, стоимость которого не достигала 40 тыс. деноминированных рублей [32]. Калининградская область – один из самых достаточно до сих пор мощных рыбопромышленных центров России. По оценкам аналитиков спецслужб страны, теневые доходы преступных группировок в этой отрасли составили за четыре года не менее 4 млрд долларов [33].

Организованная преступность и духовная сфера

Прежде всего, на наш взгляд, можно с полным основанием говорить о сущностном, можно сказать, самом кардинальном развороте российского общества в 1990-е годы от идеологии равенства, партнёрства, взаимопомощи, коллективизма к идеологии безудержной, неостановимой погони за личным преуспеванием, выгодой, расчётливого своеволия. Конечно, это не только, а может быть, и не столько идеологические подвиги, сколько социально-психологические, тем более что так называемая рыночная психология складывается стихийно, насаждается спорадически, что не может не проявляться в алогичности, противоречивости многих пропагандируемых и даже рекламируемых официальными структурами власти и управления тезисов, установок.

Кардинальная перестройка сознания, идущая от одних ценностей, стереотипов, идеологем к другим, в России не была завершена и наталкивалась, да и сейчас наталкивается на значительное сопротивление не только в силу приверженности значительной части общества так называемым советским, коллективистским в основе своей ценностям и не только в силу общей инерционности сознания, но и потому, что общество, многократно испытав духовные шоки (в России быстро вошла в оборот фраза Лешека Бальцеревича, по-своему трактующая реформы Гайдара в России: «В Польше шоковая терапия, а в России шок без терапии» [34]), стремится в большей мере опираться на здравомыслие.

К началу 1990-х годов российское массовое сознание несло в себе наивные, а порой и примитивные представления, знания о рынке, частной собственности. Когда, например, в 1989 году социологи попросили граждан СССР своими словами описать, что они понимают под частной собственностью, то оказалось, что 30% опрошенных вообще ничего не смогли сказать, 20% дали неопределённый ответ, 20% назвали предметы личной собственности, и только 20% дали более или менее удовлетворительные ответы [35, с. 139].

Убедившись, естественно, на практике, собственном опыте, касающемся как финансовых пирамид, так и самого государства, неоднократно за последние десять лет обокравшего собственных граждан, россияне не рассматривают больше официально насаждаемое представление о рынке как оправданное, справедливое, более или менее близкое истине. Естественная реакция общества на ложь сработала в очередной раз с потерями как для массового сознания, так и для самих идеологических центров российского государства, от имени которых в сознание внедрялся позитивный образ общества благоденствия и потребления, основанного на рыночной регуляции хозяйственной жизни. Негативный образ рынка в сознании смог закрепиться, быть доминантной основой социального наследования такого представления, что опять-таки чревато отрицательными последствиями как для сознания, всё с большим недоверием воспринимающего инновации, так и для российского общества в целом, которое законсервирует в своих основах криминальные слагаемые рыночного механизма. Справедливой поэтому представляется точка зрения, показывающая дисфункциональное состояние современного российского общественного сознания.

Массовое российское сознание было ориентировано в большей мере на дезинтеграцию общества как своеобразную месть ему за неоднократно обманутые ожидания. Отсутствие прежних, ещё недавних идеологем-опор весьма успешно компенсировалось представлениями о вседозволенности, возможности утверждения собственных устремлений любой ценой. И что особенно существенно, по нашему мнению, можно с полным основанием констатировать проникающее воздействие цинизма во всех его проявлениях. Российское общество весьма зримо, можно сказать, скатилось в 1990-е годы к ценностям более низкого порядка, примитивизировалось. Действительно, возникла некая новая общественная позиция, суть которой состоит в сочетании потребительского конформизма и предприимчивого нонконформизма. Власть и собственность уже не ассоциировались тогда со спокойной совестью. В постсоветском массовом сознании в России вовсе не царил ценностный вакуум. Основные ценности быстро замещались новыми. И происходило это непрерывно, с ценностными конфликтами, потерями и обретениями, поскольку неолиберализм, насаждаемый в массовом сознании зачинателями российских реформ, отнюдь неоднозначно позитивен. В целом в ту пору состоялся своего рода ациклический духовный перелом российского общества, хотя оно и продолжает пребывать в ситуации незавершённого выбора основных ориентиров своего развития.

Констатация положения «исторической развилки» соотносима с представлением о необратимости многих социальных процессов в российском обществе, в том числе свойственных и массовому сознанию. Разрыв преемственности идеологических, духовных ценностей в целом уже состоялся, и поколения, лишь социализирующиеся в настоящее время, уже отстранённо, чуждо воспринимают ещё недавно казавшиеся незыблемыми и привычными установления, социальные категории и т.п.

Иными словами, расхождение, и всё более значительное, заметим, в новых условиях декларируемого должного и наблюдаемого сущего (взять хотя бы оценочные суждения о приоритете защиты прав и свобод индивидов и реальное положение дел в России) во многом предопределяет разочарование людей в идеологических построениях вообще, смещает их интересы в сторону индивидуально прагматичных ориентиров. Сознание всё большего числа российских индивидов подвигается в сторону утилитарных ценностей, «простых» решений собственных проблем и в силу этого вполне объективно становится более готовым к неправовым, несправедливым формам реализации своих интересов. А это умножает доприступный социальный мир, что и даёт нам возможность связать вышеперечисленные оценки состояния духовно-идеологической сферы российского общества с её криминализацией.

Симптоматичной, по нашему мнению, является в целом неуспешная попытка российской власти заместить прежние, как принято утверждать в последние годы, «коммунистические идеологические установки», понятия, представления религиозными, в частности, православными. По всей видимости, это можно объяснить целым рядом обстоятельств.

Во-первых, и в дореволюционное время Русская православная церковь снискала славу института, исключительно приближённого к государству, слитого с ним, служащего своего рода целям лишь прикрытия и оправдания всего, что от него исходит. Это, между прочим, предопределило, как представляется, и сравнительно лёгкое исчезновение, растворение значимости православия в советский период истории. Во-вторых, консерватизм обрядово-культурной системы православия, его длительное положение на обочине социальной жизни российского общества обусловили неготовность иерархов этой церкви, всего клира к переменам, начавшимся в жизни России. На своего рода вызовы, требования времени Русская православная церковь смогла ответить лишь традиционно, то есть максимальным приближением к власти, на этот раз новой, по самоназванию демократической.

Русская православная церковь как бы заразилась в тот период рыночной психологией, больше озабочась возвращением собственности (монастыри, соборы и т.п.), чем духовным

возрождением народа, как это было объявлено официально. Не может не вызывать удивления, по крайней мере, стремление представителей церкви освящать в 1990-е годы банки, зрелищные учреждения и т.п. места, имеющие мало общего с духовной жизнью народа и, главное, её нынешним состоянием.

В качестве некоторой результирующей такой ситуации мы можем в данном случае констатировать, что и религиозные ценности оказались довольно сильно дискредитированы, не смогли послужить достойной заменой существовавшим так называемым коммунистическим. До 70% участников представительных общероссийских социологических исследований, проведённых в 1990-е годы, не собирались следовать призывам патриарха и других иерархов православной церкви не смотреть какой-либо кинофильм или не читать какую-нибудь книгу. На подавляющее большинство (также примерно 70% респондентов) не влияет и поддержка религиозными кругами какого-либо кандидата на выборах в представительные органы власти. Несколько снизившееся число индивидов, идентифицирующих себя с атеистами (28% в 1992 году против 40% в 1991 году), вновь стало возрастать (35% в 1997 году) [36, с. 107]. В данном случае у нас нет цели анализировать более успешное продвижение в массовое сознание тюркоязычных этнических общностей, правда, тоже в несколько смещённом виде, исламских ценностей.

Неустойчивость российского массового сознания, рассогласование его основных элементов, столь выгодные криминалитету, навязывающему свои представления о дозволенном, ценном, получают своеобразное отражение и в ходе настоящей сектантской, псевдодуховной экспансии, которая наблюдалась в России в 1990-е годы, да и позже.

С одной стороны, совершенно очевидно стремление протестантизма завоевать относительно свободное ещё недавно в религиозном отношении пространство. Но, с другой стороны, что нам представляется особенно важным с точки зрения задач нашего анализа, совершенно отчётливо проявляется стремление разного рода экстремистских, наиболее радикальных сект, конфессий, в которых проходят своеобразную апробацию методы вмешательства в психику, вербовки молодого пополнения, продвинуть своих представителей в российское общество.

Все эти новоявленные пророки, имея совершенно отчётливый корыстный интерес, всемерно стремятся внедриться в различные российские регионы. Отмечаются факты прямой связи сектантов с криминальными элементами, которые используют доверчивых людей в своих интересах (завещание имущества, денежных сбережений в пользу какой-либо общины).

В целом же наблюдалась парадоксальная на первый взгляд ситуация. Казалось бы, мифологизированные нормы, традиции, ожидания, привычно связываемые сейчас с понятиями «коммунистическая утопия», «коммунистический этап развития страны», должны были смениться в России рационализированными, прагматичными элементами сознания. На деле же тоталитарное сознание в российском обществе действительно оказалось исчерпанным, разложившимся, но его заместило отнюдь не открытое, демократическое, либеральное или сугубо религиозное миропонимание, действующее на принципах социальной взаимности индивидов, а псевдодемократическое, катастрофически индивидуализированное, безответственное миропонимание, фактически агрессивное, готовое к восприятию любых «ценностей» криминалитета. Это утверждение вполне относится именно к массовому, то есть некоему усреднённому сознанию, что отнюдь не означает отсутствия в определённых слоях общества, профессиональных общностях иных элементов, составляющих сознания.

Вышесказанное позволяет нам утверждать наличие глубокого, по сути, всеохватывающего идейного, духовного кризиса в 1990-е годы российского общества, на котором весьма своеобразно паразитировал и который в известном смысле вызвал криминальный мир.

Это выражалось, прежде всего, в достаточно успешных попытках продвижения преступным миром в массовое сознание своих, аморальных, внеправовых норм, ценностей, предпочтений. Многочисленные социологические замеры, исследования, проводимые во многих регионах России, фиксировали, к примеру, достаточно стойкое снижение ценности труда, понимаемого не только как средство достижения вполне определённых, материальных в первую очередь, целей, но и как самоценность, способ развития личности. Снижение ценности труда имеет много характеризующих параметров.

Во-первых, этот процесс есть следствие совершенно ненормального положения, когда российское государство демонстрировало крайне пренебрежительное, недозволенно равнодушное отношение к деятельности людей, занятых в научных, учебных, медицинских, культурно-просветительных учреждениях и организациях. Труд занятых здесь оплачивался так, что это едва покрывало расходы на удовлетворение самых первичных потребностей. Во-вторых, производительный труд, то есть деятельность занятых в сфере материального производства, оценивается также несоизмеримо ниже, чем труд посредников разного уровня (занятые в торговле, сфере услуг, в финансово-кредитных учреждениях и т.п.). В-третьих, криминалитет своим образом жизни, качеством её, стандартом повседневно показывает, и прежде всего подрастающему поколению в России, что отнюдь не труд обеспечивает комфортные и даже внешне привлекательные условия жизни. И именно криминалитет, используя эти обстоятельства, включает в допреступный мир всё более значительные слои, группы, в том числе из числа молодёжи.

Таким образом, труд как естественное состояние индивида, неизбежное средство его полной и позитивной социализации постепенно изымается, вытесняется из социальной сферы российского общества. Объективно в этом, конечно, заинтересован преступный мир. С одной стороны, для него дискредитация труда – это важное средство самоутверждения в обществе, настойчивого продвижения своих ценностей, норм. С другой – элиминация трудовой этики позволяет российскому криминалитету постоянно пополнять свои ряды, вербовать, вовлекать нравственно нестойких людей, разрушая окончательно восприятие труда как необходимого фактора, атрибутивного свойства человеческого существования. Лёгкость добычи желаемого, как ни удивительно, демонстрируют и до сих многочисленными викторины, которыми заполнены телеканалы, различные шоу, непрерывной чередой разыгрываемые рекламными агентствами, средствами массовой информации. Оказывается, теперь достаточно угадать букву, ноту, обладать какой-нибудь квитанцией или кассовым чеком с определённым, «счастливым» номером, чтобы получить дорогостоящую вещь, приз, некую сумму денег, сопоставимую с годовым заработком учителя или врача.

Принижение труда чревато и разрушением преемственности профессионализма, мастерства, соответствующих навыков, связанных с ними переживаний, ощущений, что фиксировалось и в ходе неформального общения, и в ходе деятельностных контактов. Особо следует сказать о мотивации труда, его ценности в глазах молодёжи. Мастерство, профессионализм как неперенные факторы личностного самоопределения у россиян передвинулись за неполных десять лет со 2-го на 6-е, честность и принципиальность – с 3-го на 5-е, а высокие показатели в работе – с 5-го на 9-е место в шкале предпочтений [37, с. 95]. На наш взгляд, очевидно, что разочарование в возможностях труда, достижения на его основе личного успеха, благополучия именно у подрастающего поколения было наиболее опасно с позиции перспектив российского общества, его возвращения в нормальное, стабильное положение.

Преступный мир, наряду с уничтожением столь существенной для человека сферы, как трудовая, объективно содействовал снижению и ценности образования, которое также отмечалось в российском обществе. На первый взгляд, наблюдается как будто обратная картина: число негосударственных вузов, их филиалов, отделений, готовящих в основном юристов и

экономистов, менеджеров, в 1990-е годы непрерывно возрастало, а конкурсы во все вузы, где зачисление ведётся на основе результатов единого государственного экзамена, не снижались.

В России в 1990-е годы была введена, по сути, селективная система образования («высокосортное» – платное, «общедоступное» – бесплатное), что имело как непосредственные, так и отдалённые негативные следствия, в том числе и криминогенного свойства. С одной стороны, установление платы, причём порой весьма значительной, за приобретение к знаниям автоматически ограничивало доступ к ним целых слоёв, групп населения, порождая у подрастающего поколения из этих слоёв и групп комплекс ущербности, неполноценности, агрессии, такое разрушающее чувство, как зависть.

С другой – через какое-то время в нормотворческих (законодательных разного уровня), правозащитных, управленческих структурах возможно сосредоточение асоциально ориентированных индивидов, поскольку лишь они принадлежат к соответствующим слоям общества, которые в состоянии направить своих детей в платные учебные заведения. И то и другое грозило и без того весьма неустойчивому равновесию в российском обществе, дальнейшим осложнениям в духовной его сфере, усугублением криминогенной обстановки.

Криминализация духовно-идеологической сферы российского общества находила специфичное выражение в художественной культуре, в охвате её коммерциализацией, в подчинении сугубо корыстным интересам, в превращении значительного её сегмента в область теневого бизнеса. С полным основанием мы можем констатировать, что к началу 1990-х годов российское общество не имело устойчивых и отлаженных механизмов самозащиты в этой сфере. И здесь переход от значительного, едва ли не всеобщего государственного регулирования к псевдосвободному, мнимодемократическому был столь стремителен, что им просто не могли воспользоваться все те, кто видел в культуре лишь очередное средство достижения своекорыстных целей, кто мог, вложив незначительные средства, добытые всякими, чаще всего несправедливыми, путями, получать прибыль, эксплуатируя пороки (к примеру, порнографию во всех её видах), используя прежнюю закрытость отечественного кино- и видеорынка для многочисленных образцов низкосортной, но достаточно прибыльной продукции.

В условиях мощного информационного, рекламного наступления дельцов шоу-бизнеса с криминальным и полукриминальным прошлым российское общество оказалось под воздействием самой вульгарной массовой культуры.

Речь о том, что подавляющее большинство демонстрировавшихся в России фильмов могли быть с трудом отнесены к произведениям искусства. Что касается зарубежных лент, то созданы они были, как правило, на третьестепенных студиях для показа в третьих странах, а основными действующими лицами в них являются представители периферийных социальных групп, маргинальных слоёв общества. Это или заключённые, или наёмники, преступники, или проститутки, другие представители ценностей уголовной среды. Если же в фильме действовали «положительные» герои (полицейские, агенты специальных служб и т.п.), то и им приписывались черты антисоциальных личностей, действовавших против законных правил, предельно цинично, свободно пуская в ход оружие. И это демонстрировалось повседневно, по всем государственным и коммерческим телеканалам, в оставшихся после разгрома кинопроката кинотеатрах.

Преступный мир воспользовался и условиями свободного, по сути, нерегулируемого, особенно в первые годы рыночной трансформации, рынка, чтобы захватить сферу шоу-бизнеса, попытаться подчинить своему влиянию всё духовное производство. Прежде всего, это выражалось в явной коммерциализации, изгнании подлинно творческого начала с эстрады, из других наиболее массовых и популярных сфер художественной культуры. Практически полное в 1990-е годы отсутствие государственной поддержки культуры, спорта, неразвитость у абсолютного большинства деятелей искусства навыков поведения в условиях стихийного

рынка предопределили ситуацию, когда криминально ориентированные личности осуществили своего рода приватизацию указанных сфер, подчинение их своим корыстным интересам.

По сути, криминальная ситуация сложилась в 1990-е годы на российской эстраде, где несколько групп поделили между собой рынок телевидения, наиболее престижные и ёмкие сценические площадки, эфирное и студийное время, производство компакт-дисков, магнитных кассет с записями и т.п. В свою очередь, криминалитет диктовал свои вкусы, продвигал в шоу-бизнес свои представления об эстетически ценном, высоком, достойном тиражирования. В сознание людей постоянно внедрялось, что все эти поделки, уголовный жаргон, присутствующий едва ли не в каждом песенном тексте, и являются новаторским искусством, отражающим и выражающим тот период развития российского общества. Своего рода маятниковая ситуация, когда в России от положения практически полного контроля за содержанием, формой, манерой исполнения эстрадных исполнителей страна перешла к столь же полной неразберихе, вседозволенности, отсутствию механизмов ограждения сознания людей от пошлости, примитивизма, активно используется ныне теми, кто видит в культуре лишь ещё одно средство наживы, утверждения своих криминальных вкусов и предпочтений в качестве единственно достойных и возможных.

В России быстро криминализировалась и издательская деятельность. Во-первых, в начале 1990-х годов, в пору полного правового провала, отсутствия каких-либо норм, регулирующих на основе международных актов авторские права, дельцами теневой экономики в полной мере были использованы возможности незаконных переводов и, соответственно, издания детективной и подобной этой западной литературы.

Наглядным проявлением растущего влияния преступного мира на жизнь российского общества являлось и явное снижение используемого лексического запаса национального языка. Специалисты утверждают, что сниженный язык, как общее обозначение достаточно расплывчатого и отнюдь не бесспорного комплекса, включающего применение полностью ненормативной лексики и просто использование некодифицированного языка, отмечался в российском обществе неоднократно, на всех изгибах его исторического развития. Это было связано и с движением разночинцев в XIX веке, противопоставившим дворянскому рафинированному речению свой упрощённый, демократизированный язык. Это было связано и с так называемой варваризацией языка после революций 1917 года. Однако всё происходящее ныне далеко выходит за рамки простой модификации лексики или модернизации языковых норм и предписаний.

Во-первых, в России едва ли не всеобщим проявлением стало публичное употребление ненормативной лексики. Даже смешанные компании подростков или сугубо девичьи группы активно, повседневно начали использовать мат. Исследования уральских социологов вполне подтверждают это. До 90% учащихся старших и средних классов утверждали, что матерщина в их среде есть явление заурядное, обычное [38, с. 88]. Это, впрочем, достаточно очевидно и без особых замеров и исследований. Стоит только пройтись по улицам российских городов, чтобы услышать это.

Во-вторых, в повседневный российский язык достаточно прочно вошли словосочетания, выражения, ещё недавно свойственные лишь криминальной среде. Ныне и политики, и телеведущие, и журналисты не преминут употребить слова «беспредел», «разборка», «мочить» и др., рождённые и используемые не так давно только в местах заключения. Навязываемая таким образом «воровская» лексика делает её стандартной, обычной, общеприменимой. Грань между обществом и его уголовной периферией становилась проницаемой. Матерные и чисто криминальные словосочетания звучали в России с подмостков сцены, с кино- и телеэкранов, с эстрады, подчёркивая замкнутость деятелей культуры на ценностях, диктуемых криминалитетом.

Достаточно зримо проявлялась криминализация духовно-идеологической сферы российского общества и в утверждении в нём слухов, домыслов, недостоверной информации. Сами по себе недоверие к официальным сообщениям о социальной жизни, поразительно лёгкая готовность значительных групп и общностей воспринимать, уверовать в любые утверждения свидетельствуют о рассогласованности элементов массового сознания, его потерянности, неясности ориентиров. Политика открытости, гласности, проводимая примерно с середины 1980-х годов, казалось бы, должна была исключить, по крайней мере, ограничить интерес людей к слухам. Исследования, однако, фиксируют обратное. Наблюдалась отчётливая тенденция дальнейшего расширения ареала носителей недостоверной, непроверенной информации. Если, к примеру, в 1992 году в повседневной жизни сталкивались со слухами около 63% российских респондентов, то уже в 1994 году таких было 72% от числа опрошенных [39, с. 22]. Как ни парадоксально, но исследования выявляют следующую зависимость: чем выше уровень образования и материального достатка людей, тем больше они предрасположены к измышлениям.

Нам представляется, что все эти данные свидетельствуют о том, что недоверие к заявлениям российских политиков, сообщениям средств массовой информации достигло в 1990-е годы опасного уровня. Люди могли поверить и не поверить во что угодно. Повинны в этом были сами российские государственные и политические деятели, которые своими действиями неоднократно опровергали собственные заявления, обещания. Повинны в этом и российские средства массовой информации, в погоне за сенсациями готовые в любой момент передавать непроверенные факты, сведения. К криминализации это имеет самое непосредственное отношение, это и есть её элемент, слагаемое. Изверие российского общества, как мы бы назвали это состояние, имеет своим следствием готовность людей в любой момент принять за должное самые резкие, уничижительные, дискредитирующие сведения о любом политическом или общественном деятеле. Происходила своего рода едва ли не полная утрата критериев различения добра и зла. Телеведущий, к примеру, может длительное время беседовать с человеком, вокруг которого скопилась масса неподтверждённой, но и не опровергнутой информации о его злодействе и иных правовых и моральных прегрешениях. За добродетельные поступки словоохотливый журналист может легко представить явно криминальные действия.

Подчеркнём, что дело не в компрометирующих данных, которые особенно легко в период избирательных кампаний внедряются в массовое сознание, а во всё более устойчивой неспособности социальных групп, российского общества в целом использовать механизмы самоорганизации, вырабатывать своеобразный социальный иммунитет к потокам откровенной дезинформации, циркулирующей в России. Объективно в таком положении заинтересован преступный мир. Сами определения-метки, используемые в отношении откровенно антиправовых действий и криминальных деятелей («вор», «казнокрад», «вымогатель»), всё чаще сочетались с нейтральными, а то и наукообразными понятиями, которые запускались в оборот средствами массовой информации, а иногда и пособниками криминальных элементов («олигарх», «монополист»).

Причём эти относительно нейтральные заменители более резких, оценочных, обличительных терминов настолько примелькались, что не вызывают в сознании людей ни негативной реакции, ни естественного отторжения. Привычка к разоблачениям коррупционеров, что демонстрирует на мелких представителях этого негативного феномена социальной жизни якобы непримиримую борьбу с социальным злом, в сочетании с постоянным пересмотром, переоценкой деятельности бывших руководителей России, о чём мы уже говорили, делали духовную жизнь настолько восприимчивой к любым, выделим – любым оценкам, суждениям, что это позволяет говорить в определённом смысле о её нравственной деградации. А это не

только открывало дорогу криминальному влиянию, но и делало всю духовную жизнь общества насыщенной неправовыми, аморальными элементами.

Любое неустойчивое общественное состояние, наряду с подверженностью слухам, размытостью границ между достоверной и ложной информацией, порождает и своеобразную ситуацию поиска людьми неких незыблемых основ индивидуального бытия, а скорее – просто выживания, духовного самоопределения в этом рушащемся, по ощущениям и переживаниям многих, мире.

Этим, как правило, весьма активно всегда пользовались и пользуются разного рода шарлатаны и мошенники, под видом целителей, врачей, психотерапевтов и психозэнергетиков вторгающихся в личную жизнь, внутренний мир людей, зарабатывающих деньги на остатках доверчивости, а также на разочаровании индивидов в научной медицине, которая не только вдруг неслыханно вздорожала, но и перестала удовлетворять потребности людей как система бесплатного, доступного для всех обслуживания. Рынок таких услуг, как, впрочем, и весь остальной, в России примерно к середине 1990-х годов оказался окончательно поделённым между собой не столько всеми этими псевдопомощниками обездоленных, сколько теми, кто стоит за ними, точнее – над ними, а именно представителями преступных сообществ, заинтересованных в отработке приёмов и способов вторжения в психику, манипулирования сознанием.

В силу вышеизложенного мы и полагаем, что вся духовно-идеологическая сфера российского общества стала в 1990-е годы крайне криминализированной. Массовое сознание в России всё более примитивизировалось, замыкалось вокруг всё более узких ценностных ориентиров, предпочтений, среди которых выделяются выживание любой ценой и стабильность, порядок, трактуемые, впрочем, в достаточно широком диапазоне. Спектр потребностей в политической, но что самое напряжённо тревожное – в художественной, научной информации резко сокращается. Пара- и просто вне- и антинаучные изыски, приверженность к магии, заклинаниям, пророчествам, гаданию, астрологическим прогнозам не просто захлестнули российское общество, но стали весьма симптоматичным отражением вдруг прорвавшейся духовной нищеты, патологической приверженности к спиритуализму, иррационализму.

В этой связи немалый интерес представляет позиция российских средств массовой информации в 1990-е годы. В действительности коммуникационные возможности российского общества служили его разъединению, отъединению людей от подлинных смыслов происходящего, подавляли информацию как субъективную основу понимания событий, явлений. СМИ служат то вуалируемой, то откровенно открытой подсказкой, вектором, в котором следует мыслить и оценивать ситуацию людям.

Столь масштабных возможностей манипулирования сознанием, вероятно, не было никогда. В сочетании с массовой компьютеризацией игровой, виртуальный компонент жизни вырос ещё больше. Кинематограф, спорт, не говоря уже о политике, искусстве, сделались в те годы зависимыми от манипуляций СМИ. Держатели их акций, обладатели эфира, программного обеспечения ЭВМ составляют самую существенную часть интереса криминалитета. Именно с их помощью можно и удалось в значительной мере овладеть массовым сознанием, которое было парализовано страхом за существование, искало любые возможности обретения каких-либо устойчивых стереотипов.

Виртуализация массового сознания, порождение ситуации изверия, беззащитной, не позволяющей относительно спокойно рационализировать, осмыслить действительность, её факты, вечная погоня за новостями позволяют нам говорить обо всё более лёгком проникновении в сознание установок и представлений, лежащих вне координат добра и зла, конструкции и деструкции.

В целом же, подводя некоторый итог сказанному выше, мы, как представляется, имеем основание сделать вывод, что кризисное состояние духовно-идеологической подсистемы рос-

сийского общества в 1990-е годы не просто выразилось в смене ценностных ориентиров в пределах одного, в целом позитивного содержательного их поля, а проявлялось в смещении их в криминальном направлении. Криминальный регресс нравов, образа жизни, стиля поведения, равно как и социальных институтов духовной сферы, становились в России всё более ощутимыми.

Заключение

Подводя теперь уже общие итоги из сказанного в данной статье, в целом представляется, что есть все основания утверждать, что 1990-е годы, своеобразно наследуя и развивая криминальные традиции не только 1980-х, но и более ранних годов, все те, кто открыто нарушал закон, поставили российское общество на грань полного перерождения. Речь не о том, что к настоящему времени преступность побеждена. Такое вообще невозможно, если только не поддаваться фантазиям, мифам отдельных коммунистических ортодоксов. И всё же в 2000–2010-е годы немалыми усилиями власти удалось действительно отодвинуть российский социум от криминальной пропасти, в значительной мере обуздать политическую коррупцию, вырвать у криминалитета основные экономические рычаги. Понятно, что в полной мере эти проблемы решены быть не могут. Не секрет, что последние данные о преступных проявлениях в Министерстве обороны, в службах, связанных с миграцией, и не только в этих ведомствах, свидетельствуют об этом. Тем не менее тотального криминального перерождения российского социума, по нашему мнению, избежать удалось.

Вклад автора / Contribution of the author

Автор подтверждает ответственность за следующее: разработка концепции и дизайна исследования; сбор данных; анализ и интерпретация результатов; подготовка и редактирование текста.

The author confirms responsibility for the following: study conception and design, data collection, analysis and interpretation of results, and manuscript preparation.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Список источников

1. Абакумов О.Б., Богданов А.В., Хазов Е.Н. Причины и условия появления и распространения профессиональной, рецидивной и организованной преступности в России // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 216–223. EDN: SWVUPQ
2. Мацкевич И.М. Причины экономической преступности. М.: Проспект, 2017. 273 с.
3. Чернявский А.Г., Грудцына Л.Ю. Инвестиционная привлекательность государственных корпораций и обеспечение безопасности и защиты государственной тайны (в части финансовых и экономических показателей деятельности) // Образование и право. 2018. № 2. С. 9–18.
4. Торопин Ю.В. Организованная преступность в сфере экономики – один из основных источников угрозы экономической безопасности страны // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1(33). С. 58–62. EDN: UCFPYD
5. Купрещенко Н. Теоретико-методологические основы оценки теневой экономики при обеспечении экономической безопасности России: монография. М.: Дашков и К, 2019. 215 с.
6. Ермакова Э.Р., Лизина О.М. Специфика теневой экономической деятельности в России // Финансы и кредит. 2020. Т. 26, № 9 (801). С. 2096–2115. DOI: <https://doi.org/10.24891/fc.26.9.2096>
7. Кононыхина А.А. Валютный контроль как механизм обеспечения экономической безопасности России должностными лицами таможенных органов // Аллея науки. 2016. № 4. С. 55–58.
8. Корчагин А.Г. Уголовная политика борьбы с финансовыми преступлениями // Финансовые правонарушения и преступления. 2016. № 5. С. 112–114.

9. Скворцова О.В. Анализ отдельных криминологических показателей экономической преступности в Российской Федерации // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5(71), № 1. С. 192–198. EDN: POXCBT
10. Горпинченко К.Н., Власенко С.К., Черникова И.А., Сылко С.Э. Факторный анализ уровня экономической преступности в Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 6-1. С. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.2854>
11. Курятникова О.С., Хазеева А.С., Султанов А.А. Борьба с незаконным предпринимательством // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 7-1. С. 124–128.
12. Браилко Д.М. Статистическое изучение экономических преступлений // Вестник университета. 2016. № 1. С. 56–62.
13. Иванов П.И. О понятии «этническая организованная преступность в сфере экономики» // Оперативник (Сыщик). 2013. № 2(35). С. 48–55.
14. Кузьминых А.Л. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью в Вологодской области в 1985–1991 гг. // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 4(48). С. 530–536.
15. Крушанова Л.А. Трансформация преступности в России в 1990–2000-х годах (на примере Дальнего Востока) // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 6. С. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.079>
16. Шакирова А.А., Крамин Т.В. Влияние преступности на экономическое развитие регионов России // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 2. С. 1202–1214. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.2.1202-1214>
17. Давыдов С.Г., Бабаева Е.В. Социальное самочувствие и настроения молодежи в 1990-е годы // Современная научная мысль. 2022. № 3. С. 113–122. DOI: <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-3-113-122>
18. Карнаушенко Л.В. Тенденции архаизации трансформирующегося российского общества и проблема криминализации // Общество и право. 2016. № 2(56). С. 10–14. EDN: WIBYFT
19. Кривошеев В.В. Организованная преступность в советской России: парадокс институционализации. Часть вторая // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4. С. 95–108. EDN: LCVRDG
20. Организованная преступность – 2 / под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. М.: Криминологическая ассоциация, 1993. 328 с.
21. Состояние преступности в России за 1993 год: стат. сб. / Главный информационный центр МВД России. М., 1994. 198 с.
22. The economics of organized crime / eds. G. Fiorentini, S. Peltzman. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511751882>
23. Петренко А. Большая стирка «грязных денег» // Российская газета. 1995, 10 августа.
24. Косалс Л. Теневая экономика как особенность российского капитализма // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 59–80.
25. Шмелёв Н. Кризис внутри кризиса // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 4–17.
26. Вощанов П. Жить на коленях? Можно, да штаны протираются // Комсомольская правда. 1996, 3 апреля.
27. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма. 1997. 525 с.
28. Дементьев А.С. Заслон теневой агрессии (Об экономической преступности в России // Милиция. 1997. № 3. С. 4–7.
29. Беловецкий Д. Алмазная лихорадка // Огонёк. № 24. от 16.06.1996. С. 20.
30. Вощанов П. Лес рубят... // Деловой вторник: Еженедельное приложение к газете «Комсомольская правда». 2001. № 19(324).
31. Лексин В., Швецов А. Бюджетный федерализм в период кризиса и реформ // Вопросы экономики. 1998. № 3. С. 18–37.
32. Бирюкова И. И с лицензией могут быть претензии, но... // Калининградская правда. 1999, 26 января.
33. Тимохин С., Егорова А. Калининград в руках мафии? // Аргументы и факты. 1997, 23 сентября.
34. Балаян В. Лешек Бальцеревич о Егоре Гайдаре и судьбах реформ на постсоветском пространстве. URL: https://ekonomikaru.blogspot.com/2013/02/blog-post_984.html (дата обращения: 12.10.2024).

35. Рывкина Р.В. Между социализмом и рынком: судьба экономической культуры в России. М.: Наука, 1994. 239 с.
36. Петрова А., Климова С. Отношение россиян к православной церкви от 18 сентября 1997 // Фонд «Общественное мнение». URL: https://bd.fom.ru/report/cat/rel_rel/of19973703
37. Чупров В.И. Молодёжь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 93–106.
38. Мошкин С.В., Руденко В.Н. За кулисами свободы: ориентиры нового поколения // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 82–89.
39. Хлопьев А.Т. Кривые толки России // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 21–33.

References

1. Abakumov O.B., Bogdanov A.V., Khazov E.N. Prichiny i uslovija pojavlenija i rasprostraneniya professional'noj, recidivnoj i organizovannoj prestupnosti v Rossii [Causes and conditions of the emergence and spread of professional, recidivist and organized crime in Russia]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 7, pp. 216–223. (In Russ.).
2. Matskevich I.M. Prichiny jekonomicheskoj prestupnosti [Causes of economic crime]. Moscow, Prospect Publ., 2017, 273 p. (In Russ.).
3. Cherniavsky A.G., Grudtsina L.Yu. Investicionnaja privlekatel'nost' gosudarstvennyh korporacij i obespechenie bezopasnosti i zashhity gosudarstvennoj tajny (v chasti finansovyh i jekonomicheskikh pokazatelej dejatel'nosti) [Investment attractiveness of state corporations and ensuring the security and protection of state secrets (in terms of financial and economic performance)]. *Education and Law*, 2018, no. 2, pp. 9–18. (In Russ.).
4. Toropin Yu.V. Organizovannaja prestupnost' v sfere jekonomiki – odin iz osnovnyh istochnikov ugrozy jekonomicheskoj bezopasnosti strany [Organized economic crime as a major threat to Russia's economic security]. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 1(33), pp. 58–62. (In Russ.).
5. Kupreschenko N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy ocenki tenevoj jekonomiki pri obespechenii jekonomicheskoj bezopasnosti Rossii: monografija [Theoretical and methodological foundations of assessing the shadow economy while ensuring the economic security of Russia: monograph]. Moscow, Dashkov and Co. Publ., 2019, 215 p. (In Russ.).
6. Ermakova E.R., Lizina O.M. Specifika tenevoj jekonomicheskoj dejatel'nosti v Rossii [The specifics of shadow economic in Russia]. *Finance and Credit*, 2020, vol. 26, iss. 9, pp. 2096–2115. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24891/fc.26.9.2096>
7. Kononykhina A.A. Valjutnyj kontrol' kak mehanizm obespechenija jekonomicheskoj bezopasnosti Rossii dolzhnostnymi licami tamozhennyh organov [Currency control, as a mechanism for ensuring the economic security of Russia by officials of customs authorities]. *Alley of Science*, 2016, no. 4, pp. 55–58. (In Russ.).
8. Korchagin A.G. Ugolovnaja politika bor'by s finansovymi prestuplenijami [Criminal policy for combating financial crimes]. *Financial Offenses and Crimes*, 2016, no. 5, pp. 112–114. (In Russ.).
9. Skvortsova O.V. Analiz otdel'nyh kriminologicheskikh pokazatelej jekonomicheskoj prestupnosti v Rossijskoj Federacii [The analysis of certain criminological showings of economic crime in the Russian Federation]. *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences*, 2019, vol. 5(71), no. 1, pp. 192–198. (In Russ.).
10. Gorpinchenko K.N., Vlasenko S.K., Chernikova I.A., Sypko S.E. Faktornyj analiz urovnja jekonomicheskoj prestupnosti v Rossijskoj Federacii [Factor analysis of the level of economic crime in the Russian Federation]. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2023, no. 6-1, pp. 28–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17513/vaael.2854>
11. Kuryatnikova O.S., Khazeeva A.S., Sultanov A.A. Bor'ba s nezakonnym predprinimatel'stvom [Fight against illegal entrepreneurship]. *Socio-economic Research, Humanities and Jurisprudence: Theory and Practice*, 2016, no. 7–1, pp. 124–128. (In Russ.).
12. Brailko D.M. Statisticheskoe izuchenie jekonomicheskikh prestuplenij [Statistical study of economic crimes]. *Vestnik Universiteta*, 2016, no. 1, pp. 56–62. (In Russ.).
13. Ivanov P.I. O ponjatii «jnetnicheskaja organizovannaja prestupnost' v sfere jekonomiki» [On the concept of “ethnic organized crime in the sphere of economics”]. *Operative (Detective)*, 2013, no. 2(35), pp. 48–55. (In Russ.).

14. Kuzminykh A.L. Dejatel'nost' pravoohranitel'nyh organov po bor'be s prestupnost'ju v Vologodskoj oblasti v 1985–1991 gg. [Law enforcement agencies to combat crime in the Vologda Region in 1985–1991 years]. *Penitentiary Science*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 530–536. (In Russ.).
15. Krushanova L.A. Transformacija prestupnosti v Rossii v 1990–2000-h godah (na primere Dal'nego Vostoka) [The transformation of crime in Russia in the 1990s–2000s (on the example of the Far East)]. *Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 6, pp. 131–147. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.079>
16. Shakirova A.A., Kramin T.V. Vlijanie prestupnosti na jekonomicheskoe razvitie regionov Rossii [Impact of crime on economic development of the Russian regions]. *Actual Problems of Economics and Law*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 1202–1214. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.2.1202-1214>
17. Davydov S.G., Babaeva E.V. Social'noe samochuvstvie i nastroyeniya molodjozhi v 1990-e gody [Social well-being and mood of Russian youth in the 1990s]. *Modern Scientific Thought*, 2022, no. 3, pp. 113–122. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-3-113-122>
18. Karnaushenko L.V. Tendencii arhaizacii transformirujushhegosja rossijskogo obshhestva i problema kriminalizacii [The archaizing tendency of the transforming Russian society and the problem of criminalization]. *Society and Law*, 2016, no. 2(56), pp. 10–14. (In Russ.).
19. Krivosheev V.V. Organizovannaja prestupnost' v sovetskoj Rossii: paradoks institucionalizacii. Chast' vtoraja [Organized crime in Soviet Russia: the paradox of institutionalization. Part Two]. *Vestnik IKBFU. Humanities and Social Sciences*, 2021, no. 4, pp. 95–108. (In Russ.).
20. Organizovannaja prestupnost' – 2 [Organized crime – 2]. Ed. A.I. Dolgova, S.V. Dyakova. Moscow, Criminological Association, 1993, 328 pp. (In Russ.).
21. Sostojanie prestupnosti v Rossii za 1993 god: stat. sb. [The state of crime in Russia in 1993: statistical collection]. Main Information Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 1994, 198 pp. (In Russ.).
22. The economics of organized crime. Eds. G. Fiorentini, S. Peltzman. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511751882>
23. Petrenko A. Bol'shaja stirkа «grjaznyh deneg» [Big washing of “dirty money”]. *Rossiyskaya Gazeta*. 1995, August 10. (In Russ.).
24. Kosals L. Tenevaja jekonomika kak osobennost' rossijskogo kapitalizma [Shadow economy as a feature of Russian capitalism]. *Economic Issues*, 1998, no. 10, pp. 59–80. (In Russ.).
25. Shmelev N. Krizis vnutri krizisa [Crisis within the crisis]. *Economic Issues*, 1998, no. 10, pp. 4–17. (In Russ.).
26. Voschanov P. Zhit' na kolenjah? Mozhno, da shtany protirajutsja [Live on your knees? You can, but your pants are wiped]. *Komsomolskaya Pravda*. 1996, April 3. (In Russ.).
27. Luneev V.V. Prestupnost' HH veka: Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii [Crime of the twentieth century: World, regional and Russian trends]. Moscow, Norma Publ., 1997, 525 p. (In Russ.).
28. Dementiev A.S. Zaslón tenevoj agressii (Ob jekonomicheskoy prestupnosti v Rossii) [Barrier of shadow aggression (On economic crime in Russia)]. *Police*, 1997, no. 3, pp. 4–7. (In Russ.).
29. Belovetsky D. Almaznaja lihoradka [Diamond fever]. *Spark*, 24.06.1996, p. 20. (In Russ.).
30. Voshchanov P. Les rubjat... [The forest is being cut down...]. *Delovoy Vtornik: Weekly supplement to the newspaper “Komsomolskaya Pravda”*, 2001, no. 19(324). (In Russ.).
31. Lexin V., Shvetsov A. Bjudzhetnyj federalizm v period krizisa i reform [Budget federalism during the crisis and reforms]. *Economic issues*, 1998, no. 3, pp. 18–37. (In Russ.).
32. Biryukova I. I s licenziej mogut byt' pretenzii, no... [And there may be claims with the license, but...]. *Kaliningradskaya Pravda*, 1999, January 26. (In Russ.).
33. Timokhin S., Egorova A. Kaliningrad v rukah mafii? [Kaliningrad in the hands of the mafia?]. *Arguments and Facts*, 1997, September 23. (In Russ.).
34. Balayan V. Leshek Bal'cerovich o Eгоре Gajdare i sud'bah reform na postsovetском prostranstve [Leszek Baltserovich about Yegor Gaidar and the fate of reforms in the post-Soviet space]. (In Russ.). URL: https://ekonomikaru.blogspot.com/2013/02/blog-post_984.html (accessed: 12.10.2024).
35. Ryvkina R.V. Mezhdú socializmom i rynkom: sud'ba jekonomicheskoy kultury v Rossii [Between socialism and the market: the fate of economic culture in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 239 pp. (In Russ.).
36. Petrova A., Klimova S. Otnoshenie rossiyan k pravoslavnoj cerkvi ot 18 sentjabrja 1997 [Attitude of Russians to the Orthodox Church, September 18, 1997]. *Public Opinion Foundation*. (In Russ.). URL: https://bd.fom.ru/report/cat/rel_rel/of19973703

37. Chuprov V.I. Molodjzh' v obshhestvennom vosproizvodstve [Youth in public reproduction]. *Sociological Research*, 1998, no. 3, pp. 93–106. (In Russ.).
38. Moshkin S.V., Rudenko V.N. Za kulisami svobody: orientiry novogo pokolenija [Behind the scenes of freedom: landmarks of a new generation]. *Sociological Research*, 1994, no. 11, pp. 82–89. (In Russ.).
39. Khlopyev A.T. Krivye tolki Rossii [Curved sense of Russia]. *Sociological research*, 1995, no. 1, pp. 21–33. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Кривошеев Владимир Вениаминович – доктор социологических наук, доцент, профессор образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Российская Федерация),

✉ vkrivosheev@kantiana.ru; SPIN-код: 8631-8957; <https://orcid.org/0000-0002-1380-6041>

Vladimir V. Krivosheev, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Educational and Scientific Cluster Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation).

Статья поступила / Received: 10.03.2025.

Доработана после рецензирования / Revised: 16.03.2025.

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2025.